

усыпленный/Поэт, бесчувствием блаженный./Уж не смущается ничем [7, т. 6, с. 143]. В топосе Деревни персонажи романа живут *Над безымянной рекой* [7, т. 6, с. 141], в замгильном топосе они пребывают над Летой. Лета — иная ипостась безымянной реки. По-видимому, при известном направлении мыслей каждая река могла для Пушкина ассоциироваться с Летой.

Когда Вас. Вас. Гиппиус познакомился со стихотворением «Ночь, улица, фонарь, аптека...», он сказал Блоку, что тем более его не забудет, что и около его дома есть аптека. Блок очень серьезно ответил: «Около каждого дома есть аптека» [15, с. 337]. Аптека здесь — символ, граница жизни и смерти, или мира эмпирического и мира трансцендентального, и границу двух миров Блок видел везде. Приблизительно в таком смысле, как для Блока везде была аптека, для Пушкина везде была Лета.

Лета находится где-то у границ романного мира, причем не только пространственных, но и временных. Время отвечает на вопрос «когда?» пространство — на вопрос «где?». Лета отвечает на оба эти вопроса: «когда?» — «над Летой» и «где?» — «над Летой». Это некоторая мнимость, некоторый предел, к которому стремится пространственно-временная структура романа. Лета, ее берега — это пространственный образ отдаленного, всепоглощающего времени, это, по слову современного поэта, «время, уходящее в пространство» [16, с. 87].

Топос Дороги противопоставлен всем остальным. В Дороге персонажи перемещаются из более благоприятного топоса в менее благоприятный, и сама она неблагоприятна для них. Онегин едет из Петербурга в Деревню, чертыхаясь и *Приговарываясь, денег ради./На вздохи, скуку и обман* [7, т. 6, с. 27]. Заключительное путешествие Онегина дано как ряд картин Нижнего Новгорода, Кавказа, Крыма, и смысл его таков: все разнообразие, все красоты не могут спасти героя от непобедимой тоски. Если Онегин в дороге по крайней мере вспоминает (значительную часть содержания гл. I можно понять как пересмотр Онегиным своего жизненного пути), думает, тоскует, наблюдает (Отрывки из путешествия Онегина), то Татьяна лишь *насладилась/Дорожной скукою вполне* [7, т. 6, с. 154]. Неуютная и плохо приспособленная для нужд проезжих, ямская изба описана в авторской речи; но в этом месте авторское отступление сближается с зоной сознания и речи Татьяны, и из контекста с несомненностью следует, что все неудобства остановок в ямской избе выпали на долю Татьяны [7, т. 6, с. 153—154]. Еще более затруднен путь Татьяны в шалаш Онегина во сне:

То длинный сук ее за шею
Зацепит вдруг, то из ушей
Златые серьги вырвет силой;
То в хрупком снеге с ножки милой
Увязнет мокрый башмачок <...>

[7, т. 6, с. 103]

И уж совсем таинственен путь Ленского к Лете: *пропал и след* [7, т. 6, с. 131].

Топосы во многом определяют движение фабулы и поведение персонажей. Онегин в Петербурге познал жизнь и разочаровался в ней, полюбил Татьяну и страдал. В Деревне он погружается в анабиоз, здесь он отвергает чувство Татьяны. Вновь совершенно иначе ведет он себя во сне Татьяны. Для нее же полноценная душевная и духовная жизнь возможна только в Деревне. Чем она дальше от деревенского топоса, тем ей хуже. В Москве она поминутно устремляется мыслью к жизни *полевой./В деревню, к бедным поселанам./ В уединенный уголок* <...> [7, т. 6, с. 162], живет как во сне, не понимает ничего, никому не поверяет тайну своей любви. В Деревне она написала Онегину страстное письмо; в Петербурге, получив его послание, она не может дать волю своему чувству. Здесь, в городе, Татья-